

<https://helda.helsinki.fi>

pÿ 40 :0: G0ABL :C;LBC @ =>9 845=B8G=>AB8 : ? @
pÿ @ > AA89A:8E =5<F52 2 5 @ <0=88

Protassova, Ekaterina

2020

pÿProtassova , E 2020 , ' 40 :0: G0ABL :C;LBC @ =>9 845=B8G=>AB8 : ? @
pÿ=5<F52 2 5 @ <0=88 ' , Labyrinth: "5> @88 8 ? @0:B8:8 :C;LBC @K , no.

<http://hdl.handle.net/10138/321550>

unspecified

publishedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

LABYRINTH
2020. No. 1. P. 57—70

LABYRINTH
2020. № 1. С. 57—70
УДК 008.001

ЕДА КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРАКТИКИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ

Е. Ю. Протасова

Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия,
ekaterina.protassova@helsinki.fi

Специфика повседневного питания варьирует от культуры к культуре и способствует формированию смешанных, или гибридных, идентичностей; посторонним она дает представление о сходстве или различии с привычным. Настоящая статья основывается на 25-летнем опыте полевой работы в Германии; лонгитюдное исследование языковой идентичности российских немцев дополнено концептами кулинарных практик. В фокусе исследования находятся ресурсы, связанные с повседневной и праздничной едой в прошлом и настоящем в жизни данного репатриантского сообщества. Участники вспоминают, что они готовили в стране своего происхождения (Казахстане), что было важным для них после переезда, как они приспособились к новым способам приготовления блюд и, с другой стороны, продолжали развивать дальше привезенные с собой представления о качественном питании. В исследовании анализируется идентичность российских немцев в Германии; принципы питания помещены в центр восприятия собственной культуры.

Ключевые слова: кулинарные практики, качественная еда, российские немцы, иммигрантская идентичность, память о принадлежности, сообщество практик, русско-немецкое двуязычие.

FOOD AS A PART OF CULTURAL IDENTITY: PRACTICES OF RUSSIAN-GERMANS IN GERMANY

E. Yu. Protassova

University of Helsinki, Helsinki, Finland, ekaterina.protassova@helsinki.fi

Specificity of everyday nutrition varies across cultures and contributes to formation of mixed or hybrid identities; for the outsiders, it offers an idea of likeness or otherness from the habitual. The present article is based on the 25 years long experience of fieldwork in Germany; the longitudinal study of the Russian-German linguistic identity was completed with concepts of food practices. In the focus are everyday and festivity culinary resources in the past and in contemporary life of this repatriate community. The participants remember how they cooked in their country of origin (Kazakhstan), what was important for them upon arrival, how they adopted new

© Протасова Е. Ю., 2020

Ссылка для цитирования: Протасова Е. Ю. Еда как часть культурной идентичности: практики российских немцев в Германии // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 1. С. 57—70.

Citation Link: Protassova, E. Yu. (2020) Eda kak chast' kulturnoj identichnosti: praktiki rossijskikh nemtsev v Germanii [Food as a part of cultural identity: practices of Russian-Germans in Germany], *Labirint [Labyrinth]*, no. 1, pp. 57—70.

ways of preparing dishes and, on the other hand, continued to develop further their imported views upon quality nurturing habits. The research analyses the identity of the Russian-Germans in Germany and puts the principles of feeding into the centre of the own culture perception.

Key words: culinary practices, quality food, Russian-Germans, immigrant identity, memory of belonging, community of practice, Russian-German bilingualism.

Построение культурно-языковой идентичности

Понятие *идентичности* в гуманитарных науках связано с пониманием, знанием, представлением, осознанием, определением, оценкой, конструированием самого себя (или общественной группы) по отношению к своей деятельности и другим личностям (и группам) в самых разных обстоятельствах и контекстах, на различных этапах жизненного пути [Leary, Tangney, 2012]. Самый большой толчок исследованиям идентичности дали работы психолога Э. Эриксона (см., напр., [Erikson, 1994]). Нас будет интересовать прежде всего связь языка, культуры, образа жизни и идентичности, и для этого важны исследования Х. Сакса, например категоризация групповой принадлежности в зависимости от коллекций социальных параметров [Sacks, 1992]. Э. Щеглофф детально рассмотрел порядок параметров в коллекциях категорий, нужных для анализа [Schegloff, 2006].

Извлекая из памяти факты своего прошлого и пытаясь представить их собеседнику, человек конструирует в нарративе свою флуктуирующую идентичность [McAdams, McLean, 2013]. Он не просто перечисляет события жизни, но подвергает их осмысленному отбору, упоминает одно и не упоминает другое, дает оценки с прошлой и сегодняшней позиции. Иногда преувеличивает невзгоды, а иногда — радости. Интерпретируя происшедшее, говорящий дает ему моральную, эмоциональную, социальную, индивидуально-историческую оценку. Идентичность конструируется на основе своего и чужого пережитого. Часто, обращаясь к прошлому, рассказчики могут иметь целью позитивное самоутверждение или оправдание своих поступков.

Личный и семейный миграционный опыт разных поколений способствует конструированию коллективного нарратива российско-немецкой истории, а типы самоидентификации отчасти связаны с типом иммиграции (см.: [Зевелева, 2014; Полян, 2018]). Существуют семейные рассказы о прошлом, и их переработка приводит к формированию коллективной идентичности на микроуровне (см.: [Kiel, 2009]). Межпоколенческая передача семейной истории, формирование отношения к прошлому и влияние семьи на поведение молодежи рассматриваются в книге «Хрупкие связи: как семьи “русских немцев” рассказывают свои истории» [Rosenthal et al., 2011]. Рассказы о прошлом могут, безусловно, влиять на жизненные установки подрастающих поколений, однако не могут оказывать решающего влияния на макроуровне. К тому же рассказы непостоянны, они со временем меняются.

Согласно исследованию Г. Гредингера [Gredinger, 2010], принимающее общество по-разному относится к прибывающим российским немцам: большинство — нейтрально, но чем моложе и образованнее респонденты, тем их установки позитивнее, а чем больше ощущается разница в жизненном стиле, тем восприятие негативнее. Если же говорить о маркерах принадлежности, то оба государства, Россия и Германия, продолжают влиять на процессы самоопределения у российских немцев как в историческом, так и в синхронном плане, а также через категоризацию включения и исключения, в том числе через организации российских немцев.

В настоящем исследовании мы рассматриваем особую сторону культурных практик российских немцев, связанную с их идентичностью: кулинарные привычки и их трансформации в Германии. Работа построена на базе индивидуальных

и групповых интервью с шестью многопоколенными семьями российских немцев, проживающих в Германии в среднем четверть века. В общей сложности в данном исследовании учитывается около 30 часов записей 2016 года от 30 информантов [Менг, Протасова, 2016]. Семьи участвовали в лонгитюдном исследовании К. Менг и Е. Протасовой [Менг, Протасова, 2002] на протяжении всего этого времени. Ранее мы неоднократно обращались к информантам с вопросами об их самопонимании [Менг, Протасова, 2015]. В последних интервью было выявлено, что после долгого привыкания переселенцы нашли свое место в принимающем обществе, а приобретенный опыт позволяет им оценивать свое жизненное положение в целом скорее позитивно. В этом процессе самооценки им приходится сравнивать себя с другими русскоязычными и нерусскоязычными иммигрантами, с теми, кто не уехал, кто приехал позже и кто уехал не в Германию, а в другие страны. Эти объекты сравнения выступают как значимые другие. Сначала мы покажем, как позиционируют российских немцев в Германии различные исследователи, а затем посмотрим, как соотносятся выявленные особенности с кулинарными практиками. Как писали П. Вайль и А. Генис в книге «Русская кухня в изгнании», «культура еды говорит о человеке больше, чем эрудиция и умение пользоваться носовым платком» [Вайль, Генис, 1995: 50].

Российские немцы: самосознание и бытовые практики

Многообразие идентичности российских немцев проявляется еще в России. Они могут считать себя просто немцами, русскими и немцами одновременно, российскими немцами, сочетанием трех предыдущих вариантов, не русскими и не немцами, иметь немецкую идентичность как этническую, а российскую — как гражданскую. В последнее время они также идентифицируют себя в значительной степени как членов транснационального сообщества, в котором часть семьи и друзей проживает в Германии, а часть — в России [Mamattah, 2009]. В то же время активизировались, в том числе и благодаря помощи из-за рубежа, общественные движения внутри России, российские немцы больше, чем раньше, учат немецкий язык, больше занимаются собственным прошлым (см.: [Авдашкин, 2015; Колесник, Евенко, 2015; Курске, 2011; Толмачева, 2014; Шабаетов, 2016]).

Согласно одному из исследований [Pfetsch, 1999], российские немцы — особое меньшинство: по паспорту они немцы, однако их культурное наследие, общая с Россией история, опыт иммиграции и проблемы с языком не позволяют принять их в Германии как настоящих немцев. В 1990-е годы большое значение для выработки определенных позиций имели СМИ, а русскоязычная пресса российских немцев в Германии часто считала проблемы своих читателей чересчур банальными. Подлинного диалога, обмена мнениями между представителями большинства и меньшинства, серьезного обсуждения общих и различных ценностей и культурных практик не происходило. В заглавии обсуждаемой работы использовано высказывание, характерное для репатриантов: «В России мы были немцы, а теперь мы русские». В других исследованиях особенностей русскоязычной прессы Германии [Протасова, 2000; Смолярова, 2014; Шовгенин, 2007] было показано, что русский и немецкий языки функционируют несимметрично, при заимствованиях и переключении кода преследуются определенные коммуникативные цели, имеется установка на адресата, что обуславливает выбор тем и уровень подачи материала; под влиянием окружения осмысливается новое положение иммигрантов из России, а дискурс в значительной степени устанавливает характерные черты группы русскоязычных немцев в новом обществе.

В работах разных исследователей используются сходные, но несовпадающие наборы идентичностей по отношению к своей немецкости, русскости и приверженности той или иной культуре. Зависимость типа идентичности от успешности

интеграции в немецкое общество была показана в статье М. С. Савоскул [Савоскул, 2004]. Выявлены типы сочетания инфраструктур (в области экономики, культуры, политики и информации — землячества, религиозные общины, места собраний и клубы по интересам, театр, магазины, фирмы, туристические бюро, дискотеки, печать, сайты) и принадлежности к некоторой группе среди переселенцев. Определены группы: *немцы среди немцев* (они могут руководить общественными структурами российских немцев, а другими структурами не пользуются), *российские немцы* (активные в двух мирах, извлекающие пользу из владения двумя языками), *ни русские, ни немцы* (замкнутые внутри своих структур). В этой концепции успешность интеграции связана с полноценным участием иммигрантов в общественной жизни и с равными шансами достичь высокого социального статуса.

В статье Ю. Ивановой-Бучатской [Иванова-Бучатская, 2010] выделяются четыре типа этнической самоидентификации российских немцев в Бамберге: 1) немецкий тип, часть немецкой нации; 2) российский немец, одновременно принадлежащий к российской и германской культурам; 3) кризисный тип, не могущий отнести себя ни к одной нации либо культуре; 4) русский. Выехавшие до 1990 года подчеркивают неприкосновенность своей идентичности, пронесенной через века, общение на сохраненном диалекте, отсутствие контактов с русскими. У поздних переселенцев среди факторов, способствующих ощущению принадлежности к немцам, выступают немецкая фамилия, совершенное владение немецким языком, одинаковое окружение материального и духовного плана. Дети как тех, так и других не сомневаются в своей немецкости. Большинство относит себя ко второй категории, гордится знанием русского языка и культуры, причем в стране исхода эти люди могли считать себя просто немцами. Назвать родину им затруднительно, а дом их в Германии. Третий тип старается найти баланс своих ощущений, но не может принять однозначно ни ту, ни другую сторону; у этих людей два дома или только свой маленький мир, нет удовлетворения от общения (в том числе на немецком диалекте) и работы (потеряно профессиональное самоуважение). Четвертый тип чаще встречается в смешанных семьях, когда нет языка и чувства принадлежности к Германии, все близкие друзья — русские. Несмотря на обильное общение с немцами, такой человек бравирует своей русскостью, родиной ощущает Казахстан, а домом — Германию; типично самоназвание «русски» или «наши люди», существование в своей среде, смешанный язык, подчеркивание стереотипов (алкоголь, нарядные женщины, мат, провоцирующее поведение и т. п.). Эти тенденции являются выражением социального протеста, уважения к русской культуре, спортивным и иным достижениям России, признания престижа России либо подчеркиванием своих заграничных корней в мультикультурном обществе. У себя дома российские немцы стараются поставить мебельную стенку с российскими сувенирами и книгами преимущественно на русском языке и положить ковер. Портреты предков связывают их с прошлым. У более молодых происходит переориентация на образцы, усвоенные от товарищей по учебе. Палисадники, напротив, оформляются по возможности так же, как у немцев-соседей. Сохраняется любовь к дачам, большим семейным праздникам, шашлыкам. Бородина [Borodina, 2013] уделяет внимание рассказам о еде и привычкам в питании: еда объединяет. Своими блюдами репатрианты стараются угостить местных немцев, но, к сожалению, привезенные ими с собой кулинарные традиции постепенно уходят.

Грожан [Grosjean, 2015] остро ставит вопрос о взаимосвязи языка и культуры при двуязычии. До сих пор нет однозначных свидетельств того, как сочетание языков влияет на сочетание культур, можно ли говорить на языке, не полностью разделяя связанную с ним культуру. Применительно к российским немцам исследователи говорят о том, что эта группа осознает свои специфические черты по отношению к прежнему и новому окружению и историческим перипетиям и в зависимости

от обстоятельств коммуникации использует разные самоназвания [Менг, Протасова, 2015; Meng, Protassova, 2013]. При переезде в другую страну процессы самоидентификации интенсифицируются, переселенцы становятся стихийными культурологами и лингвистами, психотерапевтами и педагогами, прорабатывая и преодолевая шок от новой обстановки в дискуссии с окружающими, а приспособление к новой жизни происходит в том числе и в ходе мутаций речевых практик [Протасова, 2003].

Соотнесение себя с прошлым и будущим приводит к появлению двойной идентичности (dualidentity). Если она внутренне противоречива, то это может привести к такому виду политической мобилизации, как радикализм [Simon et al, 2013]. Для российских немцев одним из способов вновь обрести себя может быть репатриация в Россию [Овсянникова, Чернышов, 2013]. В одной из работ [Hier die Russen, 2011] рассматриваются гибридность идентичности, влияние семьи и семейного языкового употребления на формирование самопонимания, самоощущение через преодоление риска и шанс стать новым типом немца в Германии, а также колебание между старыми и новыми ценностями.

Языковая идентичность

В классических трудах по языку и идентичности (см., напр., [Edwards, 2009; Handbook of Language ... , 1999; Skutnabb-Kangas, 1996]) большое значение придается конкретным признакам групповой идентичности, проявляющимся в языке, и, наоборот, зависимости самоопределения сообщества от общих черт коммуникации. Сегодня в этом плане важны соотношения между языками глобального и местного использования, гибридные варианты, социальные, гендерные особенности, коммодификация. Например, пребывание меннонитов в России продолжалось около 200 лет, и они сохранили свою лингвистическую, религиозную и социальную идентичность. В течение последних десятилетий около 200 000 из них переехали в Германию, где испытывают трудности с самоидентичностью из-за другого языка (как привезенного с собой русского, так и собственного нестандартного варианта немецкого), окружающей современности и религиозных убеждений [Daller, 2005].

Исследователи рассуждают о различных сторонах языкового использования [Berend, 2014; Dück, 2014; Prediger, 2014]. Они считают, что язык страны происхождения, сохраненный там немецкий диалект, усваиваемый в Германии локальный вариант немецкого языка, помогающий чувствовать себя *своим*, а также литературный немецкий язык — это различные составляющие языковой личности, а их комбинации дают возможность превратить свое многоязычие в преимущество. Нельзя не заметить, что есть соответствие между составляющими идентичности и компонентами языковой способности. Язык, таким образом, может быть ресурсом для построения идентичности, причем русский продолжает играть важную роль и во втором поколении, хотя большая часть общения происходит на немецком языке. Тем, кто хорошо овладел немецким, уже неважно, кем их считают, потому что они не испытывают предвзятого отношения к себе из-за маркированности языка.

У двуязычных индивидов идентичность проявляется и в акценте: отмечалось, что произношение может быть даже нарочитым, чтобы подчеркнуть принадлежность к определенной группе, утрируется влияние первого языка, даже если на самом деле человек может всё артикулировать безупречно. В известном исследовании [Migrant youth ... , 2006] выделено у молодежи четыре профиля аккультурации: интеграционный, этнический, национальный и диффузный, а также две формы адаптации: психологическая и социокультурная. Авторы считают, что наиболее удачен интеграционный профиль, а наименее удачен диффузный.

Русский элемент языковой идентичности входит в противоречие с этничностью и по-разному воспринимается в группах немецкого и еврейского происхождения не только по отношению к принимающему большинству, но и в сравнении между собой, выявляя при этом такие не относящиеся к этничности характеристики, как социальный и образовательный статус [Irwin, 2009]. Большинство тех, кто чувствует себя увереннее в русском языке, не обязательно имеет русскую идентичность, иногда не чувствует никакой, но вообще идентичность множественна и зависит от социального контекста. Ощущение принадлежности к определенной общности играет решающую роль [Rethage, 2012].

Многие исследователи придерживаются мнения, что владение языком принимающего общества является ключом к интеграции, и требуют от иммигрантов его быстрого изучения [Steiz, 2010]. Несмотря на очевидность того, что не в каждом возрасте этого можно легко добиться, лингвистически не подготовленные члены принимающего общества нередко считают, что приехавшие не хотят учить язык, и стигматизируют их как ленивых, в то время как у многих просто нет навыков и способностей для продвижения к высоким уровням языковой компетенции. Взгляды принимающего общества важны в первую очередь для него самого, но косвенным образом сказываются и на принимаемых. Вживание в среду может быть и глубоким, и поверхностным, однако у разных индивидуумов это может происходить несовпадающими путями, и то, что одни будут считать комфортным существованием, для других будет маргинальным типом самореализации [Ferdinand-Storb, 2014]. Тут важно сопоставление себя с теми, кто остался на родине, в стране исхода: самими собой в момент отъезда, казахами раньше (в СССР) и теперь (в процветающей Республике Казахстан), немецкими, украинскими, русскими, корейскими родственниками, а также знакомыми по прежней жизни, уехавшими раньше и позже в другие страны [Менг, Протасова, 2019].

Эмпирические данные

Рассмотрим, как оценивают себя российские немцы спустя 25 лет после переезда в Германию с точки зрения кулинарных практик (переводы отдельных слов с немецкого даются в квадратных скобках; Ж и М означают пол информантов, а цифры — их возраст; в данном разделе цитируются высказывания нескольких участников интервью). По их словам, еда это то, что у них получается лучше и вкуснее, разнообразнее и веселее, чем у местного населения. Информанты отмечают, что им не удалось принять карнавал (Fasching) в качестве праздника: он остается чуждым их мировосприятию. Обсуждая, что готовить на Рождество, которое постепенно становится для них более важным праздником, чем Новый год, они упоминают различные блюда, например капусту, начиненную сладкими сухофруктами с белым хлебом, и обязательно утку. Эта традиция теплилась и тогда, когда они жили при советской власти: боясь открыто отмечать религиозные праздники, ставить елку уже на 24 декабря, пожилые люди все же старались что-то приготовить, подарить детям подарки, пусть и завернутые в газету, а не в специальную бумагу: «Мама всегда делала дрожжевое тесто, пекла, из дрожжевого теста пекла ватрушки, пирог с затирками или с маком, куриный суп обязательно был, курица на столе, крупно нарезанная картошка, жаренная в масле («кораблики»))» (Ж, 70), «Nudel-суп [с лапшой] варился, куриная лапша была» (Ж, 51). Вообще говоря, рождественский вечер — это еще постное время, по традиции в это время следует есть рыбу, а мясо можно употреблять в пищу с 25 декабря, но не все опрошенные знают об этом: «Птицу всегда делали, чем-нибудь ее наполняешь, так интересно, потом открываешь» (Ж, 48). В качестве начинки использовали гречневую кашу, чернослив, рис, картошку, яблоки.

Рыба, которую ставят на стол, у местных немцев может быть и просто селедочным салатом, а у российских немцев — селедкой под шубой. Есть, однако, и традиция готовить карпа, в том числе копченого, и этому можно научить: «У нас просто в Алма-Ате продавали частенько карпов копченых. И эта женщина, которую я рыбу всегда покупаю у нее, и она говорит: ой, блин, карп упал, и не знаем, че с ним делать. Я говорю — вы его помойте, посолите и покоптите мне, я его заберу. Она говорит: как, коптить? Я говорю: да-да, я заберу. И если у вас карпы есть, и кто, скажем, с Казахстана, вы можете им предлагать, они будут покупать у вас копченого карпа. И это просто завелось, она мне теперь уже звонит... Она мне звонит: я тебе карпа покоптила!» (Ж, 52). Русская рыба, в отличие от немецкой, должна быть с сильным запахом, в Германии она не всякому понравится. Сушеная рыба, например, коренное население может удивлять: «Вот эта рыба, которую мы пиво пьем — об стол бьем. У нас они все были, засолённые и закопчённые, и карасики, и пескарики, и лещи, и все это, они у нас в Казахстане во всех пивбарах были, я им как-то принес, они попробовали, что это такое? А один сказал: я, говорит, в Финляндии такую рыбу ел» (М, 51). Угостить знакомых и коллег чем-то непривычным — особое развлечение.

Рождество воспринимается как семейный праздник, а Новый год отмечают с друзьями («Сильвестер здесь, или новогодний праздник, он более шумный, активный такой, все, а Рождество — более семейный», Ж, 54), часто в большой компании, для которой снимается зал, приглашается аниматор, угощение готовится в складчину. «На Новый год едем покупаем специально, где этих режут, баранов. Свежего барана, маринуем шашлык. Ну, там салаты, и кто че принесет... Шампанское в 12 часов! Оливье, обязательно. Селедка под шубой» (Ж, 52); «Без салата оливье даже Нового года не бывает» (М, 51). Аналогичным образом отмечается и Восьмое марта, но тогда больше заняты мужчины, готовящие праздник для женщин, хотя в целом традиция упростилась.

К полуфабрикатам, к тому, что продается в кулинариях, относятся с недоверием: «Я вот как сама варила, так и варю и буду, потому что я эту химию... Потому что везде напичкано ужас что» (Ж, 52); «Своими руками приготовленное — знаешь, что ешь, скажем так» (М, 54). Традиции рождественского печенья *Plätzchen* не знали, а здесь переняли и теперь активно готовят. Раньше пекли *Rivelkuchen*: «Это ж традиция. Испокон веков наши мамы пекли нам» (Ж, 52); «Это немецкий этот... *Streuselkuchen*, сверху посыпанный» (М, 54); «У нас мама всегда делала просто эту крошку на это, тесто поднимается, она туда эту крошку в это и сахар потом. Плюшки были, все такое, ну, что там готовили. А потом со временем они же научились там у казахов и манты делать, и вот эти блюда, фирменный плов, и так и здесь варим» (Ж, 52).

Борщом респонденты называют разные виды овощных супов, в том числе из тыквы. Собственно говоря, участники опроса никогда не жили в России. По словам информантов, русская кухня — это «борщ зеленый, борщ нормальный, манты, пельмени, плов, это советское, это даже можно сказать азиатское. Но что вот чисто русское? Пирожки, блины» (Ж, 51), торт «Наполеон» (несколько ответов). «Вот я сейчас пеку чакчак — это чисто казахское блюдо» (Ж, 70). — «Нет, татарское. У казахов — баурсак, это их еда» (М, 51).

Возможно, под воздействием восточной кухни появился интересный кулинарный гибрид: «Вот что еще сохранилось, называется немецким словом, но откуда взялось — никто не знает. Наши омы [бабушки] делают штрудли. Здесь у них есть штрудель, *aber das ist Apfelstrudel* [но это яблочный штрудель]. Это вот в *Bäckerei* [булочная], там вот штрудель, он может разрезанный быть, там тесто слоеное тоже, а наши делают в казане, мясо, картошка, тушится, потом туда закладываются такие маленькие закатанные колбаски, это называется штрудли. Это тесто слоеное, с маслом,

закатывают в такую большую ролик, потом его режешь, масло почему — потому что если его не будет, будут клецки. Оно должно вариться, лежать на картошке, на мясе, чуть-чуть воды чтобы было снизу, ни в коем случае чтобы водой не залило, оно должно быть пропаренное, это вот привезли оттуда с Крыма, они привезли в Казахстан, делали в Казахстане, а с Казахстана это приехало сюда. Вот если ты сейчас спросишь Russlandsdeutsche, Strudle, fast jeder weißt das. Wenn du fragscht, mm, malso [российских немцев, штрудле, почти каждый знает это. Если ты спрашиваешь, гм, да так], если ты спросишь местных, да, они знают само слово, но что такое — понятия не имеют». Наш собеседник показал приготовленное женой блюдо на работе: «Вот, пожалуйста, des ist unsere deutsche russische deutsche Gericht [это наше немецкое русское немецкое блюдо]. Каждому дал попробовать, jeder war begeistert, aber [каждый был в восторге, но] они этого не знают». Высказывается версия происхождения: «Я считаю так, что это, думаю, что наши предки, може, deutsche Strudel [немецкий штрудель] и был когда-то в тесте gebacken [выпечен], абы [от aber — но] кто-то взял его, попробовал с мясом, с картошкой пожарил, так оно и осталось» (М, 51).

«Закупаться» (т. е. покупать сразу много, в запас) любят в русских магазинах, потому что это им напоминает о чем-то, о вкусе, знакомом с детства: «Если мы опять же вот докторскую колбасу знаем, то мы ее знаем и в русском мы ее купим. Тут есть она всяких сортов. Купили докторскую колбасу с салом, которое мы в детстве выковыривали, наши дети точно так же» (М, 51). Там же информант купил и «русские бублики». В русских магазинах продаются не только продовольственные товары, но и книги, пресса. Раньше их было немного, а сейчас это большая сеть, куда приходят и местные, как кажется нашим информантам, из-за того, что в них всегда свежее и более дешевое мясо.

Рассказывают, что турки, у которых покупают мясо, удивляются, когда российские немцы просят порезать баранину («две задние ляжки») крупными ломтями (ведь для шашлыка нужны толстые куски). Этим дело не ограничивается: берут еще телячью шею и «желудок от коровы»: «А он отваривается просто, и он очень вкусный. А можно сделать просто вот так еще: с косточек бульон, и нарезать его, и суп» (Ж, 52), а раньше запекали в большой печи под названием «контрамарка», которая была одна на четыре комнаты и долго не остывала.

Качество мяса вообще имеет очень большое значение: «Раньше в Казахстане не каждый день можно было купить мясо, вот если покупали мясо, ты прстоишь эту очередь, и ты купишь столько, сколько ты можешь унести. Поэтому ты замораживал. А привычка эта долго тут оставалась, а вдруг оно завтра закончится. А оно здесь не кончалось. И вот мы поняли: зачем морозить, ведь можно завтра пойти и купить свежее мясо. Но это несколько лет стоило, чтобы мы поняли. Вот привычка эта была: нужно же пойти, запасть, а вдруг оно кончится». Однако постепенно это изменилось: «Сейчас оно осталось, но только на праздники. Вот если, допустим, мы знаем, что много будет у нас дома гостей, а в праздники четыре дня закрыты магазины, вот это мясо, чтобы его сохранить, вот куда ты его положишь? Естественно, только в морозилку».

Осмыслиют и свой опыт, и свое поведение в прошлом и ныне: «Раньше покупали у мясника — пытались купить свежее мясо, но потом его все равно морозили, сейчас это закончилось, сейчас мы пытаемся сходить за угол, купить это мясо, пускай оно два ойро [евро] дороже стоит, но оно свежее. Может, мы на этом и экономим, ја [да], он здесь называется Schlachthof [скотобойня], где свиней валят, бойня, некоторые имели большие холодильники, едут, покупают целую свинью, забивают, потом только через два месяца опять едут. Вот я до сих пор понять не могу, как оно могло быть свежим мясом. Это опять же система общения, русского общения с русскими, и вот кто-то сказал, а вот мы ездим туда, покупаем мясо, оно

там такое вкусное у него, и все, и один за другим начали ездить» (М, 51). Информанты с иронией относятся к себе в контексте межкультурной коммуникации.

«Вот ома, когда штрудли делает, идет специально к метцгеру [мяснику], покупает у него свежее мясо, скажет, вот это, вот отсюда мне отрежьте. В последнее время нас приучили покупать фарш у метцгера. Приходишь, говоришь, я хочу *gemischte Farsch*, also [смешанный фарш, то есть], чтобы он там смешанный был, он тебе берет и молет. На данное время все они молят еще на твоих глазах, раньше — за ширмой. Он может стеклом отгородиться, но ты его видишь, что он там полóжил, потому что честных в бизнесе не бывает. Каждый стремится где-то урвать, что-то там замесить, чтобы ему осталось пару копеек больше. И потом это мясо молотое, оно намного вкусней. Вот мой майнунг [от *Meinung* (мнение), по-немецки — женского рода] — оно намного вкуснее». В то же время раньше, среди казахов, у них пользовалась популярностью конина, а в Германии это редкость: «Здесь можно купить, но не каждый *Metzgerei* [мясная лавка или мясной магазин, в немецком слово женского рода] продает. Не каждый метцгер, который продает, у себя в лавке хочет продавать конину, потому что он потеряет просто кундов [клиентов]. У них здесь лошадь — это друг человека. В Саарбрюкене мы работали, проезжали, я вижу: *Pferdemetzgerei* [мясная лавка конины]. Я думаю: о, *undderexistiertnoch* [и он еще существует]? Его еще не сожгли — просто я про себя подумал» (М, 51). Все же в целом мяса стали есть меньше, а среди молодого поколения есть и вегетарианцы.

Кулинарные практики — квинтэссенция нажитого опыта. Здесь не обманешь ни себя, ни других. Ценности привезенные и ценности приобретенные, самобытность и переосмысление оптимальных вариантов — вот то, что наглядно проявляется в рассказах о еде. В цитатах из речи участников общения видны заимствования в русский из немецкого в плане формы и содержания, переключение кода и разные способы введения вкраплений в дискурс (с адаптацией и без адаптации к русской фонетике и грамматике).

Подводя итоги исследования, можно сказать, что длительность проживания не прямо влияет на успешность интеграции, но второе поколение репатриантов обычно принадлежит к другому интеграционному типу, чем первое. При всех различиях в концепциях интеграции исследователи часто упоминают стабильное позитивное самоощущение, множественные проявления принадлежности к тому обществу, в котором человек живет. Хотя самоидентификация происходит многократно, в действительности нарративные примеры не позволяют дать однозначного толкования. Люди всегда показывают разные стороны своей личности в зависимости от собеседника, конкретных жизненных обстоятельств, своего и чужого опыта и т. п. Важно, чтобы переселенцы знали законы, правила, нормы, приемы и навыки жизни принимающего общества, имели положительные установки, могли самореализоваться по мере своих сил, достигали желаемой цели. Демократическое общество, лояльное к иммигрантам, не препятствует осуществлению этих условий, на каком бы языке интеграция ни происходила. Значимыми «другими» для переселенцев могут быть те, кого показывают по телевизору; соседи; коллеги по работе; родители других детей — друзей их детей; те переселенцы, которые приехали раньше и успели интегрироваться; те, кто приехал позже и еще делает ошибки, которые когда-то делали они сами; иммигранты из других стран; беженцы; русскоговорящие иммигранты и репатрианты в других странах. Рефлексия по поводу себя среди своих и себя среди других происходит и на таком материале, как разговоры о еде.

Библиографический список

- Авдашкин А. А. «Кто мы и где наша Heimat?»: этническая идентичность российских немцев на рубеже вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2015. Т. 28, № 1 (28). С. 116—124.
- Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. М.: Независимая газета, 1995. 176 с.
- Зевелева О. И. Миграционная политика и коллективная идентичность: опыт российских немцев в Германии // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 114—126.
- Иванова-Бучатская Ю. Российские немцы в Германии: знаковые объекты повседневной жизни и идентичность // Диаспоры. 2010. Т. 12, № 2. С. 137—166.
- Колесник Н. Т., Евенко С. Л. Исторические условия формирования психологических предпосылок развития идентичности этнических меньшинств в условиях дисперсного проживания: (на примере российских немцев) // Вестн. Екатеринбургского ин-та. 2015. Т. 32, № 4. С. 7—12.
- Курске В. С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): дис. ... канд. соц. наук. М.: МГИМО, 2011. 181 с.
- Менг К., Протасова Е. «Свои» и «местные»: четверть века российских немцев в Германии // Другой в литературе и культуре: сб. науч. тр.: в 2 т. / под ред. А. Г. Степанова. М.: Новое лит. обозрение, 2019. Т. 1. С. 195—213.
- Менг К., Протасова Е. Трансформация культурно-языкового самосознания российских немцев в Германии // Этнографическое обозрение. 2015. № 6 (89). С. 13—25.
- Менг К., Протасова Е. Четверть века в Германии: опыт одной семьи российских немцев // Acta Slavica Estonica VIII. Свое — чужое в языке и речи / отв. ред. И. П. Кюльмоя. Tartu: University of Tartu, 2016. С. 124—136.
- Менг К., Протасова Е. Языковая интеграция российских немцев в Германии // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2002. № 6. С. 29—40.
- Овсянникова В. В., Чернышов Ю. Г. О причинах реэмиграции российских немцев из Германии в Россию в конце XX — начале XXI в. // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2013. № 4 (80). С. 183—192.
- Полян П. Русскоговорящие в Германии // Демоскоп Weekly. 2004. № 183/184. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit04.php> (дата обращения: 15.11.2018).
- Протасова Е. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. № 4. С. 49—60.
- Протасова Е. Русско-немецкий билингвизм и русский язык: опыт Германии // Диаспоры. 2003. № 1. С. 27—47.
- Савоскул М. С. Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации // Этнографическое обозрение. 2004. Т. 78, № 4. С. 97—113.
- Смолярова А. С. Функционирование русскоязычной прессы в современной Германии (социально-политический аспект): автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб.: СПбГУ, 2014. 23 с.
- Толмачева А. Ю. Этническая идентичность современных российских немцев Оренбургской области // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2014. № 8 (337). С. 58—61.
- Шабает Ю. П., Гончаров И. А., Садохин А. П. Жизненные стратегии российских немцев // Социол. исслед. 2016. № 1. С. 100—107.
- Шовгенин А. Н. Социолингвистическое пространство русскоязычной диаспоры Германии: на материале русскоязычной прессы ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2007. 21 с.
- Berend N. Im Spannungsfeld zwischen Herkunftssprache, Dialekt und Standardsprache: Migration und Remigration am Beispiel russlanddeutscher und russischsprachiger Zuwanderer aus der ehemaligen Sowjetunion // Deutsche Sprache. 2014. Т. 42, N. 3. S. 218—237.
- Borodina S. Ethnic Identity of Russian Germans in Interaction: Attitudes towards Food Habits: MA Thesis. Waterloo, Ontario: University of Waterloo, 2013. 117 p.
- Daller H. Language shift and group identity: Memmonite immigrants from the former Soviet Union in Germany // Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism / J. Cohen et al. (eds.). Somerville, MA: Cascadia Press, 2005. P. 583—593.

- Dück K.* Zum Zusammenhang von Sprache und ethnischer Identität der zweiten Generation der Deutschen aus der ehemaligen Sowjetunion // *Deutsche Sprache*. 2014. Vol. 42, № 3. S. 261—274.
- Edwards J.* Language and identity: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 324 p.
- Erikson E. H.* Identity and the Life Cycle. New York: W.W. Norton & Company, 1994. 192 p.
- Ferdinand-Storb P.* Russlanddeutsche in der Bundesrepublik Deutschland: Identität und Anpassung im Kontext der Integrations- und Migrationsforschung. Hamburg: Diplomica, 2014. 120 S.
- Gredinger G.* Identity beyond the Nation State: The Case of the Russian Germans // *Working Papers 5*. Bielefeld: Centre for German and European Studies, 2010. 62 p.
- Grosjean F.* Bicultural bilinguals // *International Journal of Bilingualism*. 2015. Vol. 19, № 5. P. 572—586.
- Handbook of Language and Ethnic Identity* / J. Fishman (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1999. 480 p.
- Hier die Russen — dort die Deutschen. Zur hybriden Identität russlanddeutscher Jugendlicher 250 Jahre nach Katharinas Einladungsmanifest / M. C. Hermann, R. Öhlschläger (Hrsg.) // *Deutsch-russisches Jahr der Bildung, Wissenschaft und Innovation*. 2011. № 12. 120 S.
- Irwin V. V.* More than just ethnic: Negotiation of Ethnicity through Language among Russian German Re-Settlers and Jewish Refugees from the Former Soviet Union in Germany: PhD Thesis. Ann Arbor: University of Michigan, 2009.
- Kiel S.* Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien. Münster: Waxmann, 2009. 212 S.
- Leary M. R., Tangney J. P.* Handbook of Self and Identity. 2nd ed. New York: Guilford Press, 2012. 754 p.
- Mamattah S.* Russian German identity: transnationalism negotiated through culture, the hybrid and the spatial: PhD Thesis. Glasgow: University of Glasgow, 2009. 210 p.
- McAdams D. P., McLean K. C.* Narrative Identity // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. Vol. 22, № 3. P. 233—238.
- Meng K., Protassova E.* Deutsche or *rusaki*? Transformations of the cultural self-conceptions after (re)migration // *Multilingual Identities: New Global Perspectives* / I. Du Bois, N. Baumgarten (eds.). Frankfurt/Main: Lang, 2013. P. 67—84.
- Migrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts / J. W. Berry et al. (eds.). London: Erlbaum, 2006. 336 p.
- Pfetsch B.* “In Russia, we were Germans, and now we are Russians”. — Dilemmas of identity formation and communication among German-Russian Aussiedler // *WBZ Discussion Paper*. 1999. Fs. 3. P. 99—103.
- Prediger A.* Erwerb und Produktion alemannischer Dialektmerkmale durch (Spät-)Aussiedler mit Russisch als Erstsprache // *Deutsche Sprache*. 2014. T. 42, № 3. S. 207—217.
- Rethage W.* Strukturelle Besonderheiten des Russischen in Deutschland. Kontaktinguistische und soziolinguistische Aspekte. München: Otto Sagner, 2012. 383 S.
- Rosenthal G., Stephan V., Radenbach N.* Brüchige Zugehörigkeiten: Wie sich Familien von “Russlanddeutschen” ihre Geschichte erzählen. Frankfurt: Campus, 2011. 287 S.
- Sacks H.* Lectures on conversation. Oxford: Basil Blackwell, 1992. 1520 p.
- Schegloff E. A.* A tutorial on membership categorization // *Journal of Pragmatics*. 2006. № 39. P. 462—482.
- Simon B., Reichert F., Grabow O.* When dual identity becomes a liability: Identity and political radicalism among migrants // *Psychological Science*. 2013. Vol. 24, № 3. P. 251—257.
- Skutnabb-Kangas T.* Language and Self-Determination // *Self-determination. International perspectives* / D. Clark, R. Williamson (eds.). London: The Macmillan Press, 1996. P. 124—140.
- Steiz D.* Russlanddeutsche (Spät-)Aussiedler: Deutsche Sprachkompetenz und Integration. Berlin: Humboldt-Universität, 2010. 104 S.

References

- Avdashkin, A. A. (2015) «Kto my i gde nasha Heimat?»: etnicheskaja identichnost' rossiiskikh nemtsev na rubezhe vv. [“Who are we and where is our Heimat?”: ethnic identity of Russian Germans at the turn of the century.], *Vestn. arkheologii, antropologii i etnografii*, Vol. 28, no. 1 (28), pp. 116—124.
- Berend, N. (2014) Im Spannungsfeld zwischen Herkunftssprache, Dialekt und Standardsprache: Migration und Remigration am Beispiel russlanddeutscher und russischsprachiger Zuwanderer aus der ehemaligen Sowjetunion, *Deutsche Sprache*, Vol. 42, no. 3, pp. 218—237.
- Borodina, S. (2013) Ethnic Identity of Russian Germans in Interaction: Attitudes towards Food Habits: MA Thesis. Waterloo, Ontario: University of Waterloo.
- Daller, H. (2005) Language shift and group identity: Memmonite immigrants from the former Soviet Union in Germany, in: *Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism*, J. Cohen et al. (eds.), Somerville, MA: Cascadia Press, pp. 583—593.
- Dück, K. (2014) Zum Zusammenhang von Sprache und ethnischer Identität der zweiten Generation der Deutschen aus der ehemaligen Sowjetunion, *Deutsche Sprache*, Vol. 42, no. 3, pp. 261—274.
- Edwards, J. (2009) *Language and identity: An introduction*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Erikson, E. H. (1994) *Identity and the Life Cycle*, New York: W.W. Norton & Company.
- Ferdinand-Storb, P. (2014) *Russlanddeutsche in der Bundesrepublik Deutschland: Identität und Anpassung im Kontext der Integrations- und Migrationsforschung*, Hamburg: Diplomica.
- Gredinger, G. (2010) *Identity beyond the Nation State: The Case of the Russian Germans, Working Papers 5*, Bielefeld: Centre for German and European Studies.
- Grosjean, F. (2015) Bicultural bilinguals, *International Journal of Bilingualism*, Vol. 19, no. 5, pp. 572—586.
- Handbook of Language and Ethnic Identity* (1999), J. Fishman (ed.), Oxford: Oxford University Press.
- Hier die Russen — dort die Deutschen. Zur hybriden Identität russlanddeutscher Jugendlicher 250 Jahre nach Katharinas Einladungsmanifest (2011), *Deutsch-russisches Jahr der Bildung, Wissenschaft und Innovation*, no. 12.
- Irwin, V. V. (2009) *More than just ethnic: Negotiation of Ethnicity through Language among Russian German Re-Settlers and Jewish Refugees from the Former Soviet Union in Germany*: PhD Thesis, Ann Arbor: University of Michigan.
- Ivanova-Buchatskaia, Iu. (2010) Rossiiskie nemtsy v Germanii: znakovye ob"ekty povsednevnoj zhizni i identichnost' [Russian Germans in Germany: iconic objects of everyday life and identity], *Diaspory*, Vol. 12, no. 2, pp. 137—166.
- Kiel, S. (2009) *Wie deutsch sind Russlanddeutsche? Eine empirische Studie zur ethnisch-kulturellen Identität in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien*, Münster: Waxmann.
- Kolesnik, N. T., Evenko, S. L. (2015) Istoricheskie usloviia formirovaniia psikhologicheskikh predisposylok razvitiia identichnosti etnicheskikh men'shinstv v usloviiakh dispersnogo prozhivaniia: (na primere rossiiskikh nemtsev) [Historical conditions for the formation of psychological prerequisites for the development of the identity of ethnic minorities in conditions of dispersed residence: (on the example of Russian Germans)], *Vestn. Ekaterinskogo in-ta*, Vol. 32, no. 4, pp. 7—12.
- Kurske, V. S. (2011) *Mnozhestvennaia etnicheskaja identichnost': teoreticheskie podkhody i metodologiya issledovaniia (na primere rossiiskikh nemtsev)*: dis. ... kand. sots. nauk [Multiple ethnic identity: theoretical approaches and research methodology (on the example of Russian Germans)], Moscow: MGIMO.
- Leary, M. R., Tangney, J. P. (2012) *Handbook of Self and Identity*, New York: Guilford Press.
- Mamattah, S. (2009) *Russian German identity: transnationalism negotiated through culture, the hybrid and the spatial*: PhD Thesis, Glasgow: University of Glasgow.
- McAdams, D. P., McLean, K. C. (2013) Narrative Identity, *Current Directions in Psychological Science*, Vol. 22, no. 3, pp. 233—238.
- Meng, K., Protasova, E. (2002) Iazykovaia integratsiia rossiiskikh nemtsev v Germanii [Language integration of Russian Germans in Germany], *Izv. RAN. Ser. lit. i iaz.*, no. 6, pp. 29—40.

- Meng, K., Protasova, E. (2015) Transformatsiia kul'turno-iazykovogo samosoznaniia rossiiskikh nemtsev v Germanii [Transformation of cultural and linguistic identity of Russian Germans in Germany], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6 (89), pp. 13—25.
- Meng, K., Protasova, E. (2016) Chetvert' veka v Germanii: opyt odnoi sem'i rossiiskikh nemtsev [A quarter of a century in Germany: the experience of one family of Russian Germans], in: *Svoe — chuzhoe v iazyke i rechi. Acta Slavica Estonica VIII*, I. P. Kiul'moia (ed.), Tartu: University of Tartu, pp. 124—136.
- Meng, K., Protasova, E. (2019) «Svoi» i «mestnye»: chetvert' veka rossiiskikh nemtsev v Germanii [“Own” and “local”: a quarter of a century of Russian Germans in Germany], in: *Drugoi v literature i kul'ture: sb. nauch. tr.: v 2 t.*, A. G. Stepanov (ed.), Moscow: Novoe lit. obozrenie, Iss. 1, pp. 195—213.
- Meng, K., Protasova, E. (2013) Deutsche or rusaki? Transformations of the cultural self-conceptions after (r)emigration, in: *Multilingual Identities: New Global Perspectives*, I. Du Bois, N. Baumgarten (eds.), Frankfurt/Main: Lang, pp. 67—84.
- Migrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts* (2006), J. W. Berry et al. (eds.), London: Erlbaum.
- Ovsiannikova, V. V., Chernyshov, Iu. G. (2013) O prichinakh reemigratsii rossiiskikh nemtsev iz Germanii v Rossiiu v kontse XX — nachale XXI v. [About the reasons of re-emigration of Russian Germans from Germany to Russia in the late XX — early XXI century.], *Izv. Altajskogo gos. un-ta*, no. 4 (80), pp. 183—192.
- Pfetsch, B. (1999) “In Russia, we were Germans, and now we are Russians” — Dilemmas of identity formation and communication among German-Russian Aussiedler, *WBZ Discussion Paper*, Fs. 3, pp. 99—103.
- Polian, P. (2004) *Russkogovoriashchie v Germanii* [Russian speakers in Germany], *Demoskop Weekly*, no. 183/184, available from <http://demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit04.php> (accessed 15.11.2018).
- Prediger, A. (2014) Erwerb und Produktion alemannischer Dialektmerkmale durch (Spät-)Aussiedler mit Russisch als Erstsprache, *Deutsche Sprache*, Vol. 42, no. 3, pp. 207—217.
- Protasova, E. (2000) Leksicheskie osobennosti russkoiazychnoi pressy v Germanii [Lexical features of the Russian-language press in Germany], *Izv. RAN. Ser. lit. i iaz.*, no. 4, pp. 49—60.
- Protasova, E. (2003) Russko-nemetskii bilingvizm i russkij iazyk: opyt Germanii [Russian Russian-German bilingualism and the Russian language: the German experience], *Diaspory*, no. 1, pp. 27—47.
- Rethage, W. (2012) *Strukturelle Besonderheiten des Russischen in Deutschland. Kontaktinguistische und soziolinguistische Aspekte*, München: Otto Sagner.
- Rosenthal, G., Stephan, V., Radenbach, N. (2011) *Brüchige Zugehörigkeiten: Wie sich Familien von “Russlanddeutschen” ihre Geschichte erzählen*, Frankfurt: Campus.
- Sacks, H. (1992) *Lectures on conversation*, Oxford: Basil Blackwell.
- Savoskul, M. S. (2004) Rossiiskie nemtsy v Germanii: integratsiia i tipy etnicheskoi samoidentifikatsii [Russian Germans in Germany: integration and types of ethnic identity], *Etnograficheskoe obozrenie*, Vol. 78, no. 4, pp. 97—113.
- Schegloff, E. A. (2006) A tutorial on membership categorization, *Journal of Pragmatics*, no. 39, pp. 462—482.
- Shabaev, Iu. P., Goncharov, I. A., Sadokhin, A. P. (2016) Zhiznennye strategii rossiiskikh nemtsev [Life strategies of Russian Germans], *Sotsiol. Issled*, no. 1, pp. 100—107.
- Shovgenin, A. N. (2007) *Sotsiolingvisticheskoe prostranstvo russkoiazychnoi diaspory Germanii: na materiale russkoiazychnoi pressy FRG: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk* [Sociolinguistic space of the Russian-speaking Diaspora in Germany: based on the material of the Russian-language press of Germany], Volgograd: Volgogradskii gos. un-t.
- Simon, B., Reichert, F., Grabow, O. (2013) When dual identity becomes a liability: Identity and political radicalism among migrants, *Psychological Science*, Vol. 24, no. 3, pp. 251—257.
- Skutnabb-Kangas, T. (1996) Language and Self-Determination, in *Self-determination. International perspectives*, D. Clark, R. Williamson (eds.), London: The Macmillan Press, pp. 124—140.

- Smoliarova, A. S. (2014) *Funktsionirovanie russkoiazыchnoi pressy v sovremennoi Germanii (sotsial'no-politicheskii aspekt): avtoref. dis. ... kand. polit. Nauk* [Functioning of the Russian-language press in modern Germany (socio-political aspect)], SPb.: SPbGU.
- Steiz, D. (2010) *Russlanddeutsche (Spät-)Aussiedler: Deutsche Sprachkompetenz und Integration*, Berlin: Humboldt-Universität.
- Tolmacheva, A. Iu. (2014) Etnicheskaia identichnost' sovremennykh rossiiskikh nemtsev Orenburgskoi oblasti [Ethnic identity of modern Russian Germans in the Orenburg region], *Vestn. Cheliabinskogo gos. un-ta*, no. 8 (337), pp. 58—61.
- Vail', P., Genis, A. (1995) *Russkaia kukhnia v izgnanii* [Russian cuisine in exile], Moscow: Nezavisimaia gazeta.
- Zeveleva, O. I. (2014) Migratsionnaia politika i kollektivnaia identichnost': opyt rossiiskikh nemtsev v Germanii [Migration policy and collective identity: the experience of Russian Germans in Germany], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 114—126.

Информация об авторе / Information about the author

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия, *e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi* (PhD in General Linguistics and Pedagogy, Adjunct Professor University of Helsinki, Helsinki, Finland).